

Но люди есть люди — они всегда лелеют смутные надежды: а вдруг в один прекрасный день среди них явится тот, в ком проявятся гены предков? Эта навязчивая идея пустила глубокие корни в сознании народа. Особенно теперь, когда они сотни лет стояли на коленях под жестоким гнетом песчаных призраков, это упование сделалось еще сильнее, исподволь передаваясь из поколения в поколение.

Детство Освальда прошло в своеобразной обстановке: над ухом не зудели родители и старшие родственники. Единственный, кто любил поворчать — старый дворецкий Иен, — читал ему «Книгу Новых Богов» вместо колыбельной или заупокойной молитвы, а сам мальчик прпредпочел засыпать под «Канон Богов», повествующий об Эпохе Древних Богов. Разумеется, в таких условиях подобной одержимости у него возникнуть просто не могло.

Однако случай Кевина не поддавался иному разумному объяснению, кроме как проявление генов предков.

— Проявление генов предков? — Кевин на мгновение опешил, а когда до него дошел смысл, пожал плечами. — Возможно.

— Ты... любые раны можешь так заживлять? — Освальд пристально посмотрел на его запястье, кожа на котором вновь стала гладкой, без единого следа. — Получается, ты бессмертен?

Кевин покачал головой:

— Почти, но не совсем. Скажем так: пока мне не пронзили сердце, любая рана затянется.

Освальд нахмурился:

— А если пронзить?

— Ну, тогда я, конечно, протяну ноги и испущу дух.

— Откуда тебе знать? — с подозрением спросил Освальд.

Кевин мысленно вlepил себе пощечину за длинный язык.

— Раз ты дожил до сегодняшнего дня, значит, сердце тебе не пробивали, — светлые глаза Освальда снова впились в него взглядом. — Так откуда тебе это известно?

Кевин не сразу нашёлcя с ответом. Он уже собирался сочинить какую-нибудь отговорку, как вдруг в дверь спальни постучали. Снаружи раздался голос Иена:

— Молодой господин, принесли еду.

Оторванный от разговора Освальд раздраженно цыкнул и только тогда бросил:

— Войдите.

Несколько служанок вошли вереницей, неся еду, и заботливо прихватили с собой низкий столик для постели.

Пока служанки расставляли тарелки, Освальд строго предупредил Кевина:

— Если уронишь на мою постель хоть единую крошку, вылетишь отсюда вместе с одеялом. Отмоешься — тогда и вернешься.

Кевин замер с ложкой в руке:

— Это твоя кровать?

Освальд недовольно буркнул:

— А чья же еще?

— Я пролежал тут три дня и три ночи. Где же тогда спал ты? — лицо Кевина приняло странное выражение.

— Да какое там спать, — Освальд потер переносицу. — Всё время обсуждал с Мио и остальными оборону на северо-западе. Манкао мертв, и даже если этот старый хрыч Сапир лежит при смерти, он не оставит это просто так. Да и с песчаными призраками не всё чисто: с какой стати им помогать нам исподтишка, а потом послушно убираться восвояси пережить сезон дождей, позволяя Стране Северного Нефрита извлекать выгоду? В эту чушь только дурак поверит.

Кевин думал о том же. Песчаные призраки отродясь не совершали невыгодных сделок и понятия не имели о честной игре. За ними тянулся такой шлейф былых прегрешений, что держать ухо остро следовало в оба глаза. Вот только с приходом сезона дождей их возможности сильно ограничивались, и все козыри оборачивались слабостями. Как при таких обстоятельствах они могли вредить соседям?

Кевин задерживаться не стал. Бессовестно наевшись сытных яств, он собрал пожитки и убрался восвояси — в распоряжение Бронзовой армии, оставив просторную постель измученному недосыпом Освальду.

В лагере Бронзовой армии было тише обычного. Сезон дождей шел всего пару дней, но у части солдат отпуска уже подошли к концу. От Освальда Кевин узнал, что еще до его пробуждения Мио возглавил десятитысячный отряд и отправился на границу пустыни — прикрыть рубежи на случай, если песчаные призраки вздумают устроить внезапный набег.

На передовую отправили и Армию Красного Железа — один из трех главных военных корпусов империи. По приказу Освальда они дислоцировались у Реки Кла, неослабно следя за каждым шагом Страны Северного Нефрита.

Возвращение Кевина наделало немало шума. Пусть за минувшие годы состав трех армий изрядно обновился, былая слава «самого молодого и победоносного военачальника» гремела повсюду — стереть ее из памяти за столь короткий срок было невозможно.

Разумеется, он не собирался прилюдно резать себе вены или трубить на каждом углу о своем уникальном даре. С молчаливого одобрения Освальда, который кое-что добавил от себя, Кевин снова пустил в ход ту самую ложь, которой потчевал Мио. Слегка подправив легенду, он отбивался ею от любопытных, так что вскоре в нее поверили все, за исключением самого императора.

Даже Бан, который собственными руками откопал его из-под земли, уже готов был уверовать в эту байку.

— Получается, ты до сих пор понятия не имеешь, кто вытащил тебя из гроба и перевез в Андоху? — спросил Бан, натягивая лук и прицеливаясь в яблочко мишени.

— Именно так, без понятия, — Кевин испытывал глубокое сочувствие к врожденному простоудишу, присущему всем зверолюдям-гигантам, но при этом безжалостно хлопнул Бана по запястью: — Бери левее, сегодня юго-западный ветер.

Бан взвыл:

— Не забивай мне голову этими сторонами света, у меня от них мозги кипят! Я в этой позе всё утро торчу, когда стрелять-то уже? А? Вы, взрослые, можете хоть раз сдержать слово? Обещали же «всего минутку»! У меня руки сейчас отвалятся!

Кевин пропустил его стенания мимо ушей и повернулся, чтобы поправить стойку Анджеля.

Анджел был тем самым белым кроликом, который выдавал себя за выходца из расы духов. Как и договаривались в самом начале, он собирался покинуть Висячий замок Уцзинь и устроиться где-нибудь в Сент-Антисе. Но надо же было такому случиться, что в утро отъезда он столкнулся с маленькой племянницей Освальда.

Четырехлетняя ее высочество Тенис с первого взгляда привязалась к Анджелу. Схватив его за полы одежды, она заставила его изображать призрака в представлении. Они так весело бегали и прятались друг от друга, что девочка наотрез отказалась отпускать его.

Освальд был не в восторге от этой затеи, но, не в силах терпеть слезы Тенис, которая мертвой хваткой вцепилась в его ногу, уступил. Поручив слугам еще раз досконально проверить прошлое Анджеля, он скрепя сердце позволил ему остаться.

Ясные дни в сезон дождей были редкостью — если солнце светило хотя бы полдня, это уже считалось большой удачей.

Ливень, утихший было на рассвете, после полудня хлынул с новой силой, словно прорвало плотину.

— Эти букашки на редкость настырные, даже под таким ливнем не прячутся... — проворчал Кевин, отмахиваясь от мелких мошек. Объявив о завершении тренировки по стрельбе и приказав сменить ее на конный бой под дождем, он поспешно вышел за ворота лагеря и ступил на подвесную дорогу.

Бан остался тренироваться с бойцами Бронзовой армии, а Анджел хвостиком увязался за командиром: Кевин направлялся в императорский дворец к Освальду, а Анджеля вызвала к себе Тенис.

— Господин Кевин? Молодой господин ждет вас в кабинете, — Иен так и не смог перестроиться на официальный тон, а потому оставил эти попытки и продолжал звать императора «молодым господином». Освальду было все равно, так что он не возражал.

— Хорошо, иду. Боже мой, стоит пойти дождю, как вся эта мошкара забивается в галерею, — поморщился Кевин, отмахиваясь от наседающих насекомых.

Тучи мелкой черной мошкары разлетались от его взмахов, но, сделав пару кругов, настырно возвращались назад. На редкость мерзкие твари.

Обычно этих мошек было гораздо меньше, но в этом году они расплодились в таких количествах, что это грозило обернуться настоящим бедствием.

Мио в своих ежедневных письмах вечно жаловался на них с присущим ему преувеличением: то «в палатке столько гнуса, что они меня скоро на воздух поднимут», то «за ночь во сне раздавил целую прорву насекомых». Бойцам Армии Красного Железа у Реки Кла приходилось еще хуже — из-за высокой влажности гнуса и муравьев там кишело в разы больше.

Хотя мелкая черная мошка летала бесшумно, в отличие от назойливых комаров, кусалась она пребольно. Место укуса покрывалось мелкой сыпью, горело и невыносимо чесалось.

— Да, с ними совладать куда труднее, чем с комарами. Репелленты, которые мы рассыпали пару дней назад, почти не помогают, — отозвался Иен, руководя слугами, которые посыпали углы галереи порошком, надеясь хоть немного разогнать проклятый гнус.

Почти у каждого на теле красовались следы укусов. Не избежал этой участи и Освальд — мошкаре ведь дела нет до того, император ты или нет.

Кевину повезло больше. Его тоже кусали, но благодаря удивительной способности к регенерации сыпь исчезала так же быстро, как и появлялась. Она таяла на глазах, избавляя его от мучительного зуда.

Обойдя рассыпающих порошок слуг, Кевин направился к кабинету. Анджел на секунду притормозил и, глядя на роящуюся в воздухе мошкарку, коснулся пальцами лба и губ — это был жест молитвы, привычный для тех, кто верил в Нового Бога.

— Чем молиться, чтобы они тебя не покусали, лучше прихлопнуть гадов, — бросил на ходу Кевин.

Но стоило ему договорить, как со стороны кабинета донеслись испуганные крики слуг. У Кевина тревожно дернулась бровь:

— Что там стряслось?!

<http://bllate.org/book/18285/1753194>